

СИНОНИМИЯ И ЕЕ СИНОНИМЫ

М. Ф. Виноградов

Одним из самых распространенных терминов, обозначающих эквивалентность языковых единиц, несомненно, является термин „синонимия“. Главная причина столь частого его употребления заключается даже не в неослабевающей популярности проблемы синонимов в логике и лингвистике, а скорее в том, что им обозначаются весьма разнородные по своему характеру явления: „Самый простой случай синонимии – это, бесспорно, синонимия слов... Более сложный пример синонимии, когда слову соответствует синоним из двух или более слов... Кроме того, имеются случаи синонимии, которые по своей природе исключительно трансформационны – две или более поверхностные структуры имеют одну общую глубинную структуру, хотя их трансформационные пути различны“ [Nilsson, 1970, p. 114]. Еще более широкое понимание синонимии мы находим у Р. Хэрриса, который соотносит ее различные типы с отдельными уровнями языка – фонологическим, грамматическим, семантическим [Harris, 1973]. К синонимии также относят и окказиональные эквивалентные образования – так называемые „стилевые синонимы“ (В.В. Виноградов), „стилистические синонимы“ (П.А. Будагов), „ситуативные синонимы“ (М.Д. Скребнев), „синтагматические синонимы“ (В.В. Левицкий) и т.д.

Конечно, имеются попытки каким-то образом упорядочить терминологию по синонимии. Так, вместо термина „синонимия“ по отношению к эквивалентным словам используется термин „омосемия“, так как считается, что термин „синонимия“ слишком широкий и включает в себя разные отношения между значениями слов [Бережан, 1973, с. 92-108]. Синонимия монолексемных единиц иногда обозначается как равнозначность, а единиц больших, чем слово, – как семантическая эквивалентность [Марченко, 1973, с. 1]. Дж. Фодор отдает предпочтение термину „парафраз“, а не „синоним“ с целью избежать проблемы референционной неопределенности [Fodor, 1961, p. 77]. Ю.С. Степанов вводит понятия „трансформации“ и „перифразы“: в преобразовании языковых выражений, обозначаемых трансформациями, меняется денотат при сохранении одинакового смысла, в перифразах наоборот – денотат остается тождественным, но меняется смысл. Хотя в то же самое время перифразы и синонимы рассматриваются Ю.С. Степановым как почти сходные явления [Степанов, 1981, с. 13, 201].

Однако такие попытки, как показывают даже немногочисленные приведенные выше примеры, в принципе дающие представле-

ние о положении вещей в области терминологии эквивалентных единиц и, соответственно, о понимании эквивалентности в языке, или осуществляются в рабочем порядке, т.е. служат целям конкретного исследования, или не выходят за рамки анализа единиц одного языкового уровня, что не позволяет создать четкую и координированную систему терминов для обозначения явления эквивалентности как общезыковой категории, или, что особенно важно, такие термины в ряде случаев не совсем верно отражают различия в характере и природе данного явления хотя бы потому, что связывают их главным образом с различной формальной структурой синонимизирующих единиц. Другими словами, строгой системы терминов, отражающих разнородность эквивалентности в естественном языке, не существует. Попытки создать такую систему обречены на провал до тех пор, пока не будут определены реальные типы и виды самой эквивалентности.

Эквивалентность в языке в самом общем виде представлена тремя типами: эквивалентностью внеязыковой, межъязыковой и внутриязыковой.

Внеязыковая эквивалентность базируется на связи языковых единиц с внеязыковой действительностью – соответствии вербального высказывания действию. „Я читаю книгу“ эквивалентно действию, если субъект в данном речевом акте действительно выполняет указанное действие. Аутореференция может быть сдвинута во времени – „Я обещаю купить для вас эту книгу завтра“.

Межъязыковая эквивалентность – это эквивалентность языковых единиц в разных языках. Мы наблюдаем ее в переводных словарях, переводах художественных произведений и т.д.

Важнейшей, несомненно, является внутриязыковая эквивалентность, так как на ней так или иначе основаны эквивалентность внеязыковая и межъязыковая в том смысле, что невозможно установить эквивалентность между вербальным актом и действием или единиц разных языков, не зная ничего о значении (значимости) первичного вербального знака, т.е. без его предварительной интерпретации. Интерпретация языкового знака по существу означает его трансформацию в другой знак, эксплицитно выражающий его значение [Jakobson, 1968, p. 233]. Поэтому различная основа сближения языковых знаков прямо обусловлена их содержанием, которое интерпретируется через его экспликацию с помощью других знаков.

Основа семантической эквивалентности языковых знаков различна по своему характеру и природе. Она может быть парадигматической, если синонимизируются парадигматические значения языковых единиц. В первую очередь это относится к значениям отдельных слов (языкознание-языковедение-лингвистика, есть-кушать-жрать и т.д.), которые принято называть синонимами. В данный момент неважно, имеет ли такая близость денотативный, сиг-

нификативный или денотативно-сигнификативный характер, так как критериальным является то, что синонимизируются парадигматические значения слов.

Парадигматическую эквивалентность представляют также равнозначные построения в одноязычных словарях (толковых, фразеологических и т.д.), состоящие из определяемого значения слова (дефиниендума) и его определения (дефиниенса). Дефиниция в словаре может иметь различную структуру: „скинуть = сбросить“; „подвода = конная повозка“; „улица = в населенных пунктах: два ряда домов и пространство между ними для прохода и проезда“; „заблудшая овца = человек, сбившийся с правильного жизненного пути“ и т.д.

Иной по своему характеру является эквивалентность предложений – высказываний типа „Сеймор нарезал салями ножом“ = „Сеймор использовал нож, чтобы нарезать салями“; „Нет на свете дела более трудного, чем составление словаря“ = „Составление словаря – самое трудное дело на свете“ и т.д. Эквивалентность таких предложений – высказываний – синтагматическая: их значение устанавливается внутри лингвистического контекста, т.е. только через анализ значений их составляющих.

При обращении к экстралингвистическому контексту значение предложений – высказываний может приобретать различную интерпретацию. Например, предложение – высказывание „В комнате накурено“ помимо буквального значения „В комнате много табачного дыма“ может означать в то же время „Откройте окно“, „Я ухожу“, „Ты обещал не курить в комнате и нарушил это обещание“ и т.д. Учет прагматических факторов переносит нас на уровень анализа речевых актов, когда эквивалентными становятся речевой акт и его различные интерпретации.

Ключевым для понимания разнородности эквивалентности в языке (речи) речевой деятельности, по-видимому, является осознание того, для чего она существует, результатом чего она является.

Наличие в языке слов-синонимов – это прежде всего результат системных отношений в лексике, проявляющихся в ее логической, семантической, стилистической классификации, т.е. в регистрации в языке наших знаний о мире (контическое понимание слова как вместилища знаний); в распределении информации о мире между отдельными словами (логические, семантические, лексико-семантические группировки слов); в указании на сферу употребления слов (стилистическая классификация вокабуляра). Поэтому тождественных по значению слов-синонимов – за редким исключением как „языкознание-языковедение“ (большинство правил обычно всегда имеют исключения) – в языке (парадигматике) быть не может: „Язык вряд ли смог бы быть такой расточительной системой, в которой для обозначения действительно одного и того же явления

имелся целый ряд слов, употребление которых практически должно быть чистой прикотью, если иметь в виду полное их тождество" [Колшанский, 1980, с. 109].

Критерий взаимозамены, широко используемый для определения синонимов, вообще не имеет никакого отношения к их установлению, так как переносит явление синонимии из области парадигматики в синтагматику, когда могут синонимизироваться даже слова, не обладающие общим словарным значением – так называемые окказиональные (ситуативные) синонимы. В то же время парадигматические синонимы, обладая дифференциальными семантическими признаками (компонентами), традиционно называемыми оттенками значений, функционируя в речи, всегда вносят в контекст какие-то изменения. Напр., глаголы „любить” и „обожать” выражают различную степень удовольствия в „Я люблю/обожаю читать перед сном книги в постели”.

Отличия в компонентном составе значений слов-синонимов ставят перед исследователем вопрос о степени из семантической близости. Можно полагать, что такая близость относительна в силу целого ряда причин. Достаточно упомянуть некоторые из них. Во-первых, компоненты значений синонимизирующихся слов разнородны по своему характеру и природе. Гетерогенность компонентов значений синонимов – это следствие их принадлежности прежде всего к различным языковым категориям, субкатегориям (существительное-глагол, глаголы переходные-непереходные и т.д.) и лексико-семантическим парадигмам (парадигмы могут основываться на отношении включения, комплементарности и т.д. между их членами). Напр., пары „покрыть-окутать” и „наоборот-навыворот” различаются категориальным (частиречным) значением (глагол-наречие), типом лексико-семантической парадигмы: в первой имеет место отношение смежности, во второй – пересечения. Во-вторых, разная глубина значений синонимизирующихся слов позволяет им иметь разное количество общих и дифференциальных компонентов. Видимо, количество дифференциальных компонентов между „беззаботный” и „беспечный” меньше, чем между „вредный” и „нездоровый” (см. дефиниции данных слов в толковом словаре). Хотя в то же время установление точного числа общих и дифференциальных компонентов в значении слова до известной степени произвольно из-за „нелимитируемости” лексического значения (одна из причин „субъективности” толкового словаря), так как невозможно „четко определить его границы и исчерпывающе исчислить образующие его семантические компоненты” [Стернин, 1985, с. 6].

Вышесказанное позволяет полагать, что выделение разных типов и видов парадигматических слов-синонимов относительно произвольно, так как зависит от целей ученого, совершенства его исследовательского аппарата. Очевидно, именно так надо понимать

мысль Д.Н. Шмелева о том, что синонимы не являются данной реальной языку, а представляют собой языковые явления, которые могут быть истолкованы и названы неодинаково, в зависимости от принятых критериев [Шмелев, 1973, с. 114].

Эквивалентность предложений-высказываний типа „Сеймор нарезал салами ножом” и „Сеймор использовал нож, чтобы нарезать салами” представляет собой способ раскрытия содержания глубинной структуры. В данном примере мы имеем дело с различной репрезентацией на поверхности „падежа инструмента (инструменталиса)”. Это по существу лингвистический прием, который чаще всего используется для выявления многозначности поверхностной структуры или для установления правильности/неправильности высказываний в языке как на уровне владения им (компетенции), так и на уровне его использования (представления). Напр., предложение-высказывание „Мальчик упал” в зависимости от того является ли в нем грамматическое подлежащее агентом или реципиентом действия, интерпретируется как „Мальчик упал на пол сам, так как ему, например, не дали игрушку, и он решил „закатить истерику”, или как „Мальчика толкнули, он упал на пол и заплакал от боли”.

Такие трансформации вряд ли относятся к речепроизводству. Скорее они представляют собой постпроцедуру лингвистического анализа, потому что реальный контекст, ситуация всегда предопределяют уместность и однозначность конкретного высказывания (речевого акта). Ср. с [Колшанский, 1980, с. 58-59].

На уровне речевого акта появление эквивалентных конструкций („Идет дождь” + „Надо взять зонт” или „Мы не пойдем на прогулку” или „Будет хороший урожай огурцов” и т.д.) – это также результат лингвистического анализа. Но в отличие от интерпретации значения предложений-высказываний экспликация значения речевого акта включает учет прагматических факторов. По существу мы имеем дело с двумя уровнями лингвистического анализа – интралингвистическим, когда интерпретируется значение предложения-высказывания, и экстралингвистическим, когда эксплицируется смысл речевого акта. Под смыслом имеются в виду не денотативные или сигнификативные свойства предложения-высказывания („Иван купил книгу у Петра” = „Петр продал книгу Ивану”: „Рабочие строят дом” = „Дом строится рабочими”), а особое языковое содержание, „которое через посредство обозначения и значения и помимо их выражается в определенном тексте” [Косериу, 1977, с. 517].

К процедурам лингвистического анализа относятся дефиниции значений слов и словосочетаний в одноязычных словарях, интерпретация различного рода текстов (Библии, художественного произведения и т.д.).

Эквивалентность, которая непосредственно характерна для речепроизводства, пожалуй, свойственна только окказиональным си-

нонимам (Пушкин = поэт), взаимозамена которых имеет стилистическую функцию – напр., избежание повтора. Причем, говорить об эквивалентности в данном случае можно скорее по отношению к сверхсловным образованиям, в которых используются такие синонимы, так как их равнозначность определяется контекстом, ситуацией, о чем, собственно, и свидетельствует их название – контекстуальные, ситуативные и т.д. синонимы. Более того, в ряде случаев окказиональными синонимами являются не отдельные слова, а словосочетания, представляющие собой логические перифразы (Пушкин = автор „Евгения Онегина“, Каспаров = чемпион мира по шахматам), что служит еще одним подтверждением нерелевантности понятия структурной однородности для эквивалентности в языке.

Вышеизложенное позволяет, на наш взгляд, внести некоторые предложения по наименованию ряда типов и видов эквивалентности в языке.

Внеязыковую эквивалентность можно считать аутореференцией, а за межъязыковой – сохранить привычный термин „перевод“.

Внутриязыковая эквивалентность в большинстве случаев обусловлена природой и характером семантического сходства эквивалентных единиц и назначением эквивалентного построения, т.е. целью, которой служит его появление. Обычные параметры синонимии – определенная степень близости синонимизирующихся единиц и возможность их взаимозамены в тексте – свойственны только окказиональным синонимам. Поэтому термин „синоним“, видимо, целесообразно использовать только для обозначения эквивалентных единиц данного типа. Традиционные слова-синонимы относятся к иному типу эквивалентности, так как основа их сближения парадигматическая и в силу своей классифицирующей функции они взаимозаменяемы в речи. Условно их можно считать лексико-семантическими парадигмантами.

Эквивалентность предложений-высказываний, на уровне речевого акта, в одноязычной лексикографии, представляя собой продукт лингвистического анализа, является метаязыковой по своей природе. Принимая во внимание в данном случае неоднородный характер эксплицируемого семантического содержания, очевидно, можно именовать эквивалентные предложения-высказывания трансформациями, экспликацию речевого акта – интерпретацией, вторую часть равнозначного построения в словаре – дефиницией.

Во всех случаях эквивалентные отношения между языковыми единицами (за исключением традиционных слов-синонимов) основываются на экспликации первичного языкового знака. Поэтому его перевод в другой знак можно назвать перифразированием. Нежелательность использования термина „перифраз (парафраз)“ для обозначения результата перифразирования объясняется тем, что такой

термин не отражает качественных различий между типами и видами эквивалентных построений.

Само собой разумеется, что основа семантического содержания выделенных типов и видов эквивалентных единиц представляет собой сложную категорию, так как допускает дальнейшее членение на подтипы и подвиды [Виноградов, 1990]. Однако главная цель статьи состояла не в выделении всех возможных разновидностей равнозначности в языке, что необходимо для построения системы терминов для общезыковой категории эквивалентности (это отчасти оправдывает некоторую условность и искусственность введенных терминов), а в том, как это следует из названия статьи, чтобы показать, что термин „синонимия”, если под ним понимать равнозначность в языке, не имеет синонимов.

SYNONYMY AND ITS SYNONYMS

M. F. Vinogradov

Summary

A set of terms to denote synonymy in natural language is dependent on interpretation of nature and character of meaning equivalence between language units. Its heterogeneity allows to argue that synonymy in its traditional sense is confined only to a definite type of equivalence. In other words, there are no synonyms of the term „synonymy”.

ЛИТЕРАТУРА

- Бережан, 1973 – Б е р е ж а н С.Г. Семантическая эквивалентность лексических единиц. Кишинев: Штиинца, 1973.
- Виноградов, 1990 – В и н о г р а д о в М.Ф. Некоторые аспекты семантической эквивалентности в естественном языке. Вильнюс: ВУ, 1990.
- Колшанский, 1980 – К о л ш а н с к и й Г.В. Контекстная семантика. М.: Наука, 1980.
- Косериу, 1977 – К о с е р и у Е. Современное положение в лингвистике // Изв. АН ССР, сер. яз. и лит., 1977, т. 36, вып. 6.
- Марченко, 1973 – М а р ч е н к о А.Н. Равнозначность в языке и речи.: Автореф. дисс... канд. филол. наук. М.: МГУ, 1973.
- Степанов, 1981 – С т е п а н о в Ю.С. Имена, предикаты, предложения. (Семно-логическая грамматика). М.: Наука, 1981.
- Стернин, 1985 – С т е р н и н И.А. Лексическое значение слова в коммуникативном аспекте: Автореф. дисс... д-ра филол. наук. Минск: БГУ, 1985.
- Шмелев, 1973 – Ш м е л е в Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973.
- Fodor, 1981 – F o d o r J.A. Projection and Paraphrase in Semantics // *Analysis*, 1981, v. 21, N 4.
- Harris, 1973 – H a r r i s R. Synonymy and Linguistic Analysis. Univ. of Toronto Press, 1973.

Jakobson, 1968 - J a k o b s o n R. Linguistic Aspects of Translation
// On Translation / Ed. by R.A. Brower. Mass., 1968.
Nilsson, 1970 N i l s s o n K. Multiple Modal Expression: A Case of
Synonymy // Studia Linguistica, 1970, v. 24, N 2.

Вильнюсский университет
Каунасский гуманитарный факультет
Кафедра иностранных языков

Сентябрь, 1991